

РОМАН-АНТИУТОПИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Г. УЭЛЛСА И Е.И. ЗАМЯТИНА

Е.С. Манченко

Статья посвящена теме антиутопии, блестяще представленной в произведениях Г. Уэллса и Е. Замятина. Посредством представления образа грядущего будущего писатели предвидят вероятные тенденции развития современного общества.

The article concerns the theme of antiutopia, brilliantly set forth in the works of H.G. Wells and Yevgeny Zamyatin. By means of coming forth future image presentation the writers foresee the probable tendencies of modern society development.

Ключевые слова: научная фантастика, роман, антиутопия, роман-предостережение, традиция.

Key words: science fiction, novel, antiutopia, image, novel warning, tradition.

Е.И. Замятин в статье, посвященной Г. Уэллсу, рассуждая об изменениях в жизни общества, пишет: «с механизма, с машины – начал Уэллс: первый его роман – "Машина времени", и это – сегодняшний городской миф о ковре-самолете, а сказочные племена морлоков и элоев – это, конечно, экстерполированные, доведенные в своих типичных чертах до уродливости, два враждующих класса нынешнего города» [5]. Писателя неслучайно заинтересовало творчество английского фантаста.

В 1916 г. Е. Замятин был командирован в Англию для участия в строительстве российских ледоколов на верфях Ньюкасла, Глазго и Сандерленда. Английские впечатления легли в основу как многочисленных очерков, так и повестей «Островитяне» (1917) и «Ловец человеков» (1921) [1; 10; 17]. Но именно роман «Мы» отсылает к традициям, заложенным в фантастических произведениях Г. Уэллса [7]. С.Г. Долженко считает, что «замятинский текст адресует читателей к общеизвестным текстам мировой литературы и культуры», «источниками основных элементов общества "Мы" исследователи находят у Платона, Плутарха, Т. Мора, Кампанеллы, Ф.М. Достоевского, Г. Уэллса» [3, с. 19]. Также отмечается, что «роман блестяще соединил русскую и европейскую традицию, использовав идеи Ф. Достоевского (о Благодетеле) и Г. Уэллса (о будущем мире машин, где человеческое начало отводится на второй план» [9].

Роман Е. Замятина считается одновременно романом-предостережением и романом-антиутопией. По мнению А. Белоусенко, «наблюдения над тоталитарным обществом художественно воплотились в фантастическом романе-антиутопии "Мы"» [1].

А.Ф. Бритиков пишет, что «исторической заслугой Г. Уэллса было создание жанра фантастического романа-предостережения, который мы называли разоблачительной или антикапиталистической утопией. Параллельно употребляемый термин «антиутопия» представляется двойственным: исторически и этимологически он связан с антикоммунистической утопией» [2]. Роман-предостережение отождествляют с антиутопией.

Считается, что жанр антиутопии расцвел после Первой мировой войны, когда на волне революционных преобразований в некоторых странах попытались воплотить в реальность утопические идеалы. Антиутопия изображает общество, зашедшее в социально-нравственный, экономический, политиче-

ский или технологический тупик из-за ряда неверных решений, принятых человечеством в течение длительного периода. Также антиутопия – «утопия навыворот», где идеальное, на первый взгляд, общество основано на антигуманном тоталитаризме. Наконец, антиутопия может оказаться вариантом постапокалиптики, где показано общество, рухнувшее вследствие внутренних противоречий [11]. По мнению Айс де Трейн, «антиутопия», ассоциирующаяся с «диктатом, отсутствием свободы, страхом, доносительством, безнадежностью борьбы и финальным проигрышем», представляет общество, согласное играть по заявленным правилам, потому как в пределах этих правил оно свободно от моральной ответственности и непредсказуемости будущего» [13]. А.Ф. Бритиков считает, что роман-предостережение затрагивает наиболее животрепещущие глобальные проблемы современности (о войне и мире в век неизмеримой мощи оружия массового поражения, о судьбах социально-освободительного движения в новых исторических условиях, о судьбе человеческой цивилизации в целом), а цель антиутопии – показать подминающую человечество стихию природы или общества, гибельность «машинной» цивилизации независимо от ее социальной среды [2].

Е. Замятин в романе «Мы», как и Г. Уэллс в своих произведениях (романах-антиутопиях «Когда спящий проснется», «Первые люди на Луне», «Машина времени»), стремился представить грядущее во всех его противоречиях. Г. Уэллс пишет: *«В конце концов на земной поверхности должны будут остаться только Имущие, наслаждающиеся в жизни исключительно удовольствиями и красотой, а под землей окажутся все Неимущие – рабочие, приспособившиеся к подземным условиям труда»* [15].

Так, в «Машине времени», где действие перенесено в 802701 год, Уэллс представляет общество потомков капиталистов, бессильных эллов (*«прекрасная наземная раса», «прекрасные ничтожества»*) и потомков пролетариев, выродившихся в морлоков (*«отвергательные морлоки, что-то нечеловеческое и враждебное»*). Г. Уэллс пишет, что *«жители Верхнего Мира были привилегированным классом, а морлоки – их рабочими-слугами, но это давным-давно ушло в прошлое. Обе разновидности людей, возникшие вследствие эволюции общества, переходили или уже перешли к совершенно новым отношениям»* [15]. Элои достигли самого заветного желания всех правящих классов – тотальной праздности и полного освобождения от труда. В результате они гибнут от этого. Е. Замятин подхватывает эту идею, представляя нам общество, в котором *«все безгранично совершенствуется и должно совершенствоваться»* для достижения *«вершины абсолютного, стопроцентного счастья...»* [6, с. 124]. М. Заблудовский считает, что в романе «Машина времени» проявляется характерная для Уэллса двойственность: восторженная вера в прогресс науки и техники и глубокий пессимизм в области социальных отношений [4]. Данная двойственность характерна и для Е. Замятина.

В «Машине времени» будущее, несмотря на то что оно служило предостережением настоящему, все-таки оставалось неподвижно, закреплено в пространстве, то в других романах Г. Уэллса (например, «Война миров») «будущее само является в настоящее в одном из самых пугающих своих обликов. Будущее, выросшее из настоящего, и по отношению к нему разрушительное» [8, с. 178]. В романе «Первые люди на луне» перед читателем предстает общество селенитов, очень рациональное и социально успешное, в котором сам автор не хотел бы жить. Роман можно читать как критику существующих политических систем того периода. Тема «столкновения цивилизаций» напоми-

нает известную работу Г. Уэллса, написанную раньше, – «Войну миров». Как и в «Войне миров», он намекнул, что нечеловеческая цивилизация, возможно, отражает, как будет развиваться в далеком будущем человеческое общество. Таким образом, изображение общества селенитов может рассматриваться как утопия или антиутопия, в зависимости от его особенностей [12].

Е. Замятина интересуется образ людей будущего. В романе прослеживается описание людей, разительно отличающихся от его современников («У всех троих головы по-черепашьи втянуты в плечи, лица серые, осенние, без лучей» [6, с. 132]). «И утром я спустился вниз начисто отдистиллированный, прозрачный» [6, с. 35]). Так же, как и у Г. Уэллса, элои изменились в худшую сторону: «Чрезмерная обеспеченность жителей Верхнего Мира привела их к постепенной дегенерации, к общему вырождению, уменьшению роста, сил и умственных способностей»; «Подбежавший человек показался мне удивительно прекрасным, грациозным, но чрезвычайно хрупким существом. Его залитое румянцем лицо напомнило мне лица больных чахоткой, – ту чахоточную красоту, о которой так часто приходится слышать» [15].

Если Г. Уэллс разделяет людей светом и средой обитания (наземные жители – подземные жители), Е. Замятин видит это разделение посредством Зеленой стены на «очищенный от низшего мира город», состоящий из «сероголубых юниф» [6, с. 103–104], и людей, живущих за стеной («воронье, рыжие, золотистые, караковые, чалые, белые люди – по-видимому, люди. Все они были без одежд и все были покрыты короткой блестящей шерстью – вроде той, какую всякий может видеть на лошадином чучеле в Доисторическом Музее» [6, с. 104–105]).

У писателей выявляется уверенность, что все накопленное предками, все продукты цивилизации должны быть представлены и в будущем. Так Г. Уэллс описывает Зеленый дворец: «Зеленый Дворец должен был заключать в себе не только палеонтологическую галерею: вероятно, тут были и исторические отделы, а может быть, даже библиотека» [15]. У Е. Замятина все важное в историческом плане для человечества представлено в Доисторическом музее: «И еще: прочно засевише во мне крючочки-вопросы – вроде тех, которыми пользовались древние для охоты на рыбу (Доисторический Музей)» [6, с. 91].

Г. Уэллс пишет, что элои питались только фруктами: «Фрукты были их единственной пищей. Эти люди далекого будущего были строгими вегетарианцами, и на время я принужден был сделаться таким же травоядным, несмотря на потребность в мясе» [15]. У Е. Замятина жители города ели нефтяную пищу: «город – уже победил, в городе уже наша теперешняя – нефтяная пища» [6, с. 111]. И морлоки (у Г. Уэллса), и Мефи (у Е. Замятина) питаются мясом. Е. Замятин пишет, что Мефи «жуют что-то похожее на легендарную пищу древних: длинный желтый плод и кусок чего-то темного» [6, с. 107]. Г. Уэллс подчеркивает острую потребность морлоков в мясе – «Чуть подальше, примерно в середине пещеры, стоял небольшой стол из белого металла, на котором лежали куски свежего мяса. Оказалось, что морлоки не были вегетарианцами! Помню, как уже тогда я с изумлением подумал, – что это за домашнее животное сохранилось от наших времен, мясо которого лежало теперь передо мной?» [15]. Также путешественника во времени в романе Г. Уэллса приводит в шок откровение о каннибализме морлоков: «Но тут я снова вспомнил о том мясе, которое видел у морлоков. Теперь мне стало окончательно ясно, что это было за мясо... Ясно, что когда-

то давно, века назад, пища у морлоков иссякла. Возможно, что некоторое время они питались крысами и всякой другой мерзостью. Даже и в наше время человек гораздо менее разборчив в пище, чем когда-то, – значительно менее разборчив, чем любая обезьяна. Его предубеждение против человеческого мяса не есть глубоко укоренившийся инстинкт. И теперь вот что делали эти бесчеловечные потомки людей!..» [15].

Е. Замятин, описывая людей в городе и в лесах («небольшая часть их все же уцелела и осталась жить там, за Стенами. Голые – они ушли в леса. Они учились там у деревьев, зверей, птиц, цветов, солнца. Они обросли шерстью, но зато под шерстью сберегли горячую, красную кровь. С вами хуже: вы обросли цифрами, по вас цифры ползают, как виши. Надо с вас содрать все и выгнать голыми в леса» [6, с. 111]), спешит показать назревающий бунт людей леса, желание снести зеленую стену, свергнуть власть Благодетеля и, таким образом, освободить поработанных. Путешественник во времени Г. Уэллса задается вопросом: «Для чего понадобилась морлокам моя Машина Времени? Теперь я был уверен, что это они похитили ее» [15]. Е. Замятин также показывает желание людей за Зеленой стеной завладеть Интегралом. Общество, изображенное в романе «Мы», несет гибель самой жизни, изолируя человека от природы. Образ Зеленой стены, отделившей «машинный совершенный мир» от неразумного мира деревьев, птиц, животных – один из самых зловещих символов произведения.

Успех романа «Мы» связан с тем, что Е. Замятин объединил антиутопию и роман-предостережение для борьбы с утопией. Несмотря на то что роман сосредоточен на жизни Д-503, в ракурсе оказывается все общество. С.Г. Долженко утверждает, что Е.И. Замятин был первым, кто органично соединил формальные характеристики утопических обществ в романе «Мы», так как корни утопического видения Замятина, выраженного в виде дегуманизированного будущего, многим ученым видятся в интеллектуальном родстве русского писателя с Г. Уэллсом (Э.Дж. Браун, К. Коллинз, А. Шейн, П. Парриндер, Х. Лопез-Мориллас) [3, с. 20]. В романе «Мы» Е. Замятина, как и в романах Г. Уэллса, возможно различить технократическую, политическую и эволюционно-социологическую утопии. В зависимости от варианта трансформации общества в утопии различаются: технократическая утопия, политическая утопия и эволюционно-социологическая утопия [11]. Главный смысл технократической утопии – развитие науки и многочисленные изобретения, служащие на благо человека. Во главе находятся ученые, стремящиеся к прогрессу через технократию как главное средство и цель существования. Развитие технократии служит поворотным пунктом для построения утопии. Существует также политическая утопия – попытка конструирования максимально совершенного государства за счет эффективного механизма власти. В эволюционно-социологической утопии достижения общества основаны на поступательной эволюции и самосовершенствовании людей [11].

В романе «Мы» Д-503, как и все остальные в стеклянном городе, подчинялись определенной системе правил, установленных Благодетелем. Е. Замятин упоминает о Едином государстве: «мы возвращены Единым Государством» [16]. Г. Уэллс в романе «Освобожденный мир» вводит понятие «всемирного государства» («всемирной республики»), установившегося после Эпохи Воюющих Государств: «Он присутствовал при провозглашении нового государства – Всемирного государства – и видел, как сообщение об этом было передано телеграфистам и аппараты беспроводного телеграфа разнесли

его по всем обитаемым уголкам земного шара» [16]. Если английский фантаст мыслит глобально, то Е. Замятин формирует правительство в миниатюре. Так вырисовываются результаты создания единой тоталитарной власти, выступающей в качестве авторитарного государства, характеризующегося его полным господством над всеми сторонами жизни: *Единая Государственная Наука, Личные часы, Материнская и Отцовская нормы, опытный глаз Хранителей, Институт Государственных Поэтов и Писателей, Государственная газета*) [6]. У Г. Уэллса вопрос о единой власти овеян утопическими идеями (*единая монетарная система, объединенное правительство, единый общий язык для всех народов мира, преобразование сельской жизни, единая метрическая система весов и календарь (13 месяцев), единое всеобщее образование* и др.) [16]. Е. Замятин видит в Едином государстве антиутопию. Все происходящее в городе представляется упорядоченным, четко устроенным по таблице умножения. Одновременно это показывает, что любое изменение (например, влияние I-330 на Д-503) может пошатнуть систему управления, доведя ее до хаоса. Так, утопия и антиутопия в романе Е. Замятина становятся неразлучными спутниками, как добро и зло, жизнь и смерть.

Е. Замятин поднимает тему Г. Уэллса («Остров доктора Моро») экспериментов над человеком: *«Последнее открытие Государственной Науки: центр фантазии – жалкий мозговой узелок в области Варолиева моста. Трехкратное прижигание этого узелка X-лучами – и вы излечены от фантазии – навсегда»* [6, с. 121]. Только эксперименты имели массовый характер: *«Вы – совершенны, вы – машиноравны, путь к стопроцентному счастью – свободен. Спешите же все – стар и млад – спешите подвергнуться Великой Операции. Спешите в аудитории, где производится Великая Операция. Да здравствует Великая Операция. Да здравствует Единое Государство, да здравствует Благодетель!»* [6 с. 121].

Масштабность опытов над людьми у Е. Замятина сравнима с нашествием марсиан в романе «Война миров». Как пишет герой романа «Мы» Д-503, *«в Операционном работают наши лучшие и опытнейшие врачи, под непосредственным руководством самого Благодетеля. Там – разные приборы и, главное, знаменитый Газовый Колокол. Это, в сущности, старинный школьный опыт: мышь посажена под стеклянный колпак, воздушным насосом воздух в колпаке разрежается все больше. Но... Газовый Колокол значительно более совершенный аппарат...»* [6, с. 54]. Г. Уэллс описывает нападение и газовое уничтожение людей марсианами: *«Ударившись о землю, снаряды раскалывались – они не рвались, – и тотчас же над ними вставало облако плотного темного пара, потом облако оседало, образуя огромный черный газовый холм, который медленно расползлся по земле. И прикосновение этого газа, вдыхание его едких хлопьев убивало все живое»* [14].

Вслед за Г. Уэллсом Е. Замятин предвидел страшные тенденции развития общества и не побоялся заглянуть в будущее с целью предотвращения пагубных последствий для цивилизации в целом. Представляя образ человека будущего, писатели поднимают проблемы тоталитарного общества, подавления и несвободы личности, экологическую проблему, тему эксперимента и опыта над людьми.

Список литературы

1. Белоусенко А. Евгений Иванович Замятин / А. Белоусенко. – Режим доступа: http://belousenko.com/wr_Zamyatin.htm, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
2. Бритиков А. Ф. Отечественная научно-фантастическая литература (1917–1991 годы) / А. Ф. Бритиков. – 2-е изд. испр. и доп. – СПб. : Творческий центр «Борей-Арт», 2005. – Кн. 2: Некоторые проблемы истории и теории жанра. – 390 с.

3. Долженко С. Г. Творчество Е.И. Замятина в англоязычной критике : автореф. дис. ... канд. филос. наук / С. Г. Долженко. – Тюмень : МПГУ, 2003. – 24 с.
4. Заблудовский М. Уэллс Герберт Джордж / М. Заблудовский. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclor/leb/leb-6301.htm>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. Замятин Е. Герберт Уэллс / Е. Замятин. – Пг. : Эпоха, 1922. – 47 с. – Режим доступа: http://orwell.ru/library/others/zamyatin/wells/r/rwls_3.htm, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
6. Замятин Е. И. Мы / Е. И. Замятин. – Новосибирск : Сиб. унив. изд-во, 2009. – 159 с.
7. Замятин Евгений Иванович. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
8. Кагарлицкий Ю. И. Вглядываясь в будущее: Книга о Гербете Уэллсе / Ю. И. Кагарлицкий. – М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. – 432 с. – (Портреты).
9. Кто есть кто в мире: 1500 имен / гл. ред. Г. П. Шалаева. – М. : Филологическое общество «СЛОВО» : ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – С. 559.
10. Михайлов О. Н. Гроссмейстер литературы / О. Н. Михайлов. – Режим доступа: http://az.lib.ru/z/zamyatin_e_i/text_0260.shtml, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
11. Невский Б. Грезы и кошмары человечества (Утопия и антиутопия) / Б. Невский. – Режим доступа: <http://www.mirf.ru/Articles/art2195.htm>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
12. Первые люди на Луне. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
13. Трейн Айс де. Об антиутопии / Айс де Трейн. – Режим доступа: <http://dugward.ru/publ/s12.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
14. Уэллс Г. Война миров / Г. Уэллс. – Режим доступа: http://royallib.ru/book/uells_gerbert/voyna_mirov.html, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
15. Уэллс Г. Машина времени / Г. Уэллс. – Режим доступа: <http://lib.ru/INOFANT/UELS/timemach.txt>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
16. Уэллс, Г. Освобожденный мир / Г. Уэллс. – Режим доступа: <http://lib.ru/INOFANT/UELS/wrldfree.txt>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
17. Энциклопедия Кругосвет / Евгений Иванович Замятин. – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/ZAMYATIN_EVGENI_IVA_NOVICH.html, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

О ТРАДИЦИОННОСТИ И ВАРИАТИВНОСТИ ФОЛЬКЛОРНОГО ЯЗЫКА В «ДИАЛОГЕ» ПРИНЦИПОВ АНТРОПОЦЕНТРИЗМА И ТЕКСТОЦЕНТРИЗМА

Т.С. Соколова

Как социокультурный феномен фольклорный язык послужил базой для формирования литературного языка, поэтому можно считать, что фольклорные тексты являются достоверными источниками этнокультурной информации в режиме традиционности и вариативности.

As a sociocultural phenomenon the folk-lore language served as a basis for the formation of the literature language, consequently the folk-lore texts may be considered to be a reliable source of the ethnocultural information in regime of tradition and variation.

Ключевые слова: язык русского фольклора, этнокультурная информация, традиционность, вариативность.

Key words: the language of russian folk-lore, the ethnocultural information, the tradition and variation.